

О. А. БЕЛОБРОВА

Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского дома

Среди византийских писателей, чьи сочинения распространялись в древнерусских переводах, известен Леонтий из Неаполиса, иначе называемый Леонтием, епископом Неаполиса Кипрского (590—668 гг.).¹ С именем этого писателя связаны жития Иоанна Милостивого, Симеона юродивого, ряд похвальных и торжественных слов.² В древнерусских переводах указанных житий непременно называлось имя Леонтия как автора. Оно приводилось в единичных списках жития Иоанна Милостивого и Симеона юродивого, а также и в сводных минеях, в частности в макарьевских Великих Минеях четиях XVI в., в состав которых эти жития включались под соответствующей датой.³ Так проявлялось уважение к авторитету признанного греческого писателя. Но интерес к этому автору на Руси не ограничился только его упоминаниями. В одном из рукописных сборников конца XVII—начала XVIII в. собрания В. Н. Перетца мы находим перовой рисунок — попытку создать воображаемый портрет Леонтия из Неаполиса Кипрского.⁴ Это изображение примыкает непосредственно к концовке «Жития Симеона юродивого и Иоанна сподвигателя его»: «Житие же обою (Симеона и Иоанна, — О. Б.), яко же святыми неложными усты Симеоновыми поведано бысть, емесинския църкве диакону Иоанну сиде от тогоже диакона, верно и истинно, поведася великому в отцех Леонтию святому, епископу Неаполя Кипрского. Той же писаню предаде, в ползу чтущих и слушающих, в славу Христа бога нашего, с отцем и святым духом, славимаго ныне и присно и вовеки веков. Аминь».⁵

Сборник № 200 из собрания В. Н. Перетца, в 4-ку, на 166 лл., на бумаге конца XVII в., написан разными почерками. Первые листы (2—13 об.) содержат молитвы и правила, выписанные крупным поздним полу-

¹ К. Кумбачер. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*. München, 1897, стр. 190—192; История Византии, т. I. М., 1967, стр. 433—434; Памятники византийской литературы IV—IX веков М., 1968, стр. 242—243.

² Сергей, архимандрит. *Полный месяцеслов Востока*, т. II. М., 1876, стр. 209—210, 357.

³ Так, под 12 ноября сообщалось про «сказание Леонтия епископа Аноля (Неаполя) Кипрського острова о останце жития святого Иоанна Милостиваго...». Ср.: ВМЧ, ноябрь, дни 1—12, СПб., 1897, столб. 812.

⁴ Впервые об этом изображении упоминает в печати В. И. Малышев. Ср.: В. И. Малышев. *Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов)*. М.—Л., 1965, стр. 173.

⁵ ИРЛИ, разр. IV, оп. 13 (собрание В. Н. Перетца), № 200, л. 104 об. Перовой рисунок с изображением Леонтия из Неаполиса Кипрского находится на л. 105.

уставом; далее следуют Житие Алексея человека божия (лл. 14—32) и «Слово от видения св. апостола Павла», написанные одним почерком — иеродиаконем Феодоритом (ср. запись на л. 32: «Сие житие Алексиа человека божия писано во обители живоначалныя Троицы и преподобнаго отца Александра Свирскаго чудотворца рукою грешною иеродиакона Феодорита 1707-го апреля в 4 де»). Переводное Житие Алексея человека божия отделено рядом мелких статей (в их числе молитвы и «Видение св. Пахомия мниха», на лл. 37 об.—40) от другого, также переводного Жития Симеона юродивого, принадлежащего Леонтию из Неаполиса Кипрского (лл. 41—104 об.). Промежуточные статьи написаны разными лицами, в то время как Житие Симеона, судя по почерку, переписывал тот же Феодорит. Сборник завершается списком жития Александра Свирского, не имеющим конца (лл. 107—165 об.). На л. 107 читается запись: «Книга глаголемая житие преподобнаго отца нашего Александра Свирскаго чудотворца. Трудился многогрешный раб божий некм ишапош 1706 г.». При публикации обзора фондов Пушкинского дома криптограмма этой записи была раскрыта как «писец Петр Иванов».⁶ Почерк писца здесь мелкий, убористый. Судя по различным филиграммам конца XVII в., встречающимся на протяжении всего сборника, в Александро-Свирском монастыре в Петровское время имелся запас разной бумаги.

Переписчик жития Александра Свирского пропустил лл. 126 об. и 127. На этих оставшихся чистыми листах появились рисунки пером с изображением всадников, не имеющие никакого отношения к тексту жития. Несколько раньше, на л. 106 об., читатель сборника впервые встречается с подобным изображением всадника. Эти рисунки сделаны не профессионалом-художником, а каким-то писцом-любителем. Несмотря на несоблюдение пропорций, всадник — например, замахнувшийся насаку саблей, — довольно выразителен; в рисунке много динамики. Две более мелкие фигуры подобных всадников находятся на л. 127, а на л. 126 об. всадник (солдат?) стоит на коне. Эти всадники напоминают народную деревянную резьбу типа богородской — фигуры «седочков», солдат, мужичков, с их обобщенной характеристикой, едва намеченной в деревянных цилиндрических чурках. Перовые рисунки пересечены вертикальными линиями, которыми были разграфлены пустые листы. На л. 106 читаются три разновременные записи, две — не позднее начала XVIII в., третья — владельческая с датой 1761 г., указывающая на то, что книга в середине XVIII в. находилась уже вне Александро-Свирского монастыря.

Рисунок с изображением Леонтия из Неаполиса Кипрского (как и записи на чистых листах, да и изображения всадников) мог быть сделан не сразу после переписки житий. Он появился на свободном от текста листе, но в отличие от фигур всадников был создан в дополнение к тексту жития, что уже отмечалось выше. Манера исполнения (перовой рисунок по жесткой графье) иная, чем в других рисунках данного сборника. Здесь представлен в рост, в профиль немолодой монах в полном облачении архиепископа: в мантии со скрижалями, в белом клобуке, с высоким посохом, с крестом. Рисунок явно принадлежит непрофессионалу: автор не справился с пропорциями при передаче рук, ног, корпуса. Непомерно высокий клобук будто стянул лоб в морщинах; ноги поставлены как у сидящего и т. д. Тем не менее Леонтий из Неаполиса Кипрского изображен в движении и по-своему выразительно. Этот рисунок принадлежит либо читателю сборника, либо переписчику, трудившемуся над новым списком жития. Искушенный художник непременно представил бы писателя с письменными

⁶ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома..., стр. 164.

принадлежностями. На нашем рисунке облик Леонтия ограничен передачей его высокого духовного сана — своеобразного свидетельства его нравственного авторитета. Видно, что первоначально Леонтий был изображен без нимба. Но позднее другими, более черными чернилами и не очень твердой рукой кlobук Леонтия окружили сиянием. Может быть, тогда же появились киноварная человеческая фигурка над посохом и киноварное пятно, частично закрывшее конец надписи: «с. Леонтий епископ Неаполя Кипрскаг(о)». ⁷ Любопытно, что изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского как-то дополнялось, оно вызывало интерес у читателей сборника. Уместно вспомнить здесь, что «жития вместе с сопровождающими их миниатюрами накапливали опыт ... создания психологических портретов». ⁸ Желание воссоздать внешний облик названного в житии автора свидетельствует об интересе к личности писателя. Это вполне соответствует процессу осознания творческой воли автора, которым отмечены русская литература и книжность переходного периода — конца XVII—начала XVIII в.

⁷ Конец слова срезан при переплете сборника.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» древней Руси. — ТОДРА, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 43.